

ACTA ORIENTALIA

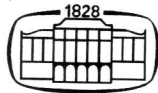
ACADEMIAE SCIENTIARUM
HUNGARICAE

VOL. 53 (2000)

OFFPRINT

AKADÉMIAI KIADÓ, BUDAPEST

The contents of the book can be divided into 3 parts. The first part includes a survey of the ethnic groups of Turkic speakers (see chapter "The Speakers of Turkic Languages" – Hendrik Boeschoten), an overview of the history of the Turkic peoples (see chapter "The Turkic Peoples: A Historical Sketch" – Peter B. Golden) and a presentation of the general structural phenomena of the Turkic languages (see chapter "The Structure of Turkic" – Lars Johanson). In addition, it also contains general technical information for the better understanding of the book (The Turkic Languages – map; Notes on Transcription and Symbols; List of Abbreviations of Grammatical Terms).

This is followed by the historical part. From the 1960s a number of important results have seen the light in the research of the history of the Turkic languages. The individual chapters of this part are based on these results. (The Reconstruction of Proto-Turkic and the Genetic Question – András Róna-Tas; The History of Turkic – Lars Johanson; Turkic Writing Systems – András Róna-Tas; Old Turkic – Marcel Erdal; Middle Kipchak – Árpád Berta; Chaghatai – Hendrik Boeschoten and Marc Vandamme; Ottoman Turkish – Celia Kerslake.)

The third part contains a description of modern Turkic languages, based on the following common principles: Introduction; Sound System – Phonetics and Phonology, Phonotactics and Morphophonology, Orthography; Morphology – Nouns and Adjectives, Pronouns, Numerals, Verbs, Adverbs, Other Morphological Categories; Syntax; Lexicon; Dialects; References and Further Reading. This part comprises the following chapters: Turkish (Éva Á. Csató and Lars Johanson), Turkish Dialects (Bernt Brendemoen), Azerbaijanian (Claus Schönig), Turkmen (Claus Schönig), Turkic Languages of Iran (Gerhard Doerfer), Tatar and Bashkir (Árpád Berta), West Kipchak Languages (Árpád Berta), Kazakh and Karakalpak (Mark Kirchner), Noghai (Éva Á. Csató and Birsel Karakoç), Kirghiz (Mark Kirchner), Uzbek (Hendrik Boeschoten), Uyghur (Reinhard F. Hahn), South Siberian Turkic (Claus Schönig),

Yakut (Marek Stachowski and Astrid Menz), Chuvash (Larry Clark).

However, the different ways of describing modern Turkic languages do not always reflect the same practice. Some authors provide tables of conjugation and declination while others do not. The most significant differences can be discerned within the verbal category. Here, the more detailed presentation of specification of modal and temporal systems and also of the aspectual peculiarities would be important from the general linguistic point of view as well. In syntax, perhaps, more attention could have been devoted to problems of verb government both from the historical and the modern aspects, while in morphosyntax, to the morphological expression of definiteness. Unfortunately, the list of references seems to be restricted to monographs, whereas certain topics are considered to have been better discussed in papers.

These remarks may hopefully be relevant for the publishing of the future volumes of the series, and they do not wish to belittle the merits of the book, which truly fulfils its function as the latest general introduction to Turkic languages for a wider reading public.

Klára Agyagási

Щербак, А. М.: *Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.)*. СПб., Изд. ИЛИ РАН 1997, 292 с. ISBN 5-88014-011-3.

Несколько столетий идут споры о генетическом родстве алтайской семьи языков, куда входят тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки, а с некоторых пор также корейский и японский. Известны две группы ученых, одна из которых разделяет мнение о существовании генетических уз (Рамстедт, Поппе), другая – опровергает (Котвич, Клоусон, Дёрфер, Щербак).

Работа А. М. Щербака является итогом многолетних исследований в области алтаистики. Им вновь пересматривается алтайская гипотеза, подтверждающая генетическое

родство. Автор указывает на существование ранней тюркско-монгольской языковой общности, сложившейся в условиях продолжительных и тесных контактов языков, никак не связанных генетически. Языковые контакты в виде заимствований происходят в разное время и на разных территориях (с. 11).

Книга состоит из введения (с. 11–91); двух частей: «Последствия тюркско-монгольских языковых контактов в период с VIII до XIII вв.» (с. 92–189), «Тюркско-монгольские языковые связи в XIII–XV вв.» (с. 119–236); заключения (с. 237–251); приложения, куда входят именной (с. 252–256) и лексический (с. 257–289) указатели.

Цель работы – выяснение способов, путей, направлений взаимодействия тюркских и монгольских языков. Объектом работы послужили заимствования, поэтому автор придает важное значение определению исходной принадлежности.

Чтобы хронологически скомпоновать критерии выделения заимствований в новой работе Щербака, мы воспользовались некоторыми замечаниями из статьи А. Рона-Таша, где рассматриваются вопросы разрешения проблемы «генетического родства или заимствования», некоторыми причинами и аргументами (Рона-Таш 1974):

Историческая причина

Щербак пишет, что в старотюркском не было монголизмов (Clauson 1959), до XIII века процесс был односторонний: из тюркского в монгольский. Древнейшие заимствования из тюркских языков прослеживаются с наибольшей вероятностью во всех монгольских языках. По материалам старотюркских текстов автором выделено около 500 слов, для которых в среднемонгольском или литературном монгольском прослеживаются достаточно надежные параллели. В затруднительных ситуациях автор привлекает материалы других монгольских языков. Тюркско-монгольские параллели приведены в алфавитном порядке в виде словарных статей с коммен-

тариями (с. 190–212). Влияние тюркских языков на монгольские было интенсивным в период монгольских завоеваний. Известно, что пик культурного и религиозного влияния приходится на XIII–XV вв., сюда относятся заимствованная лексика, связанная с буддизмом, письменностью, народной медициной, календарными обозначениями.

Аргумент ареальных взаимоотношений или исторических контактов. В якутском глубокое и интенсивное взаимодействие с монгольским в период миграции некоторых тюркских племен; в тувинском – монгольское влияние из-за смежности территорий и исторических обстоятельств: несколько столетий Тува была под властью монголов (с. 29).

Методологическая причина

Свидетельство синонимов. В лексике тюркских и монгольских языков множество параллелей, обычно имеющих синонимы, что говорит о длительном взаимодействии и интенсивных взаимовлияниях:

ст.тюрк. *baq- ~ qara-* ‘смотреть’ > монг. *qara-*; слово в некоторых современных тюркских языках неизвестно (с. 208);

лит.монг. *on ~ jil* ‘год’ < ст.тюрк. *yil*; в монгольском языке употребляется в обозначении 12-летнего животного цикла, тогда как в ст.тюрк. имеет значение астрономического года (с. 58);

лит.монг. *qumaq ~ elesün* ‘песок’ < ст.тюрк. *qum*, ср.тюрк. *qumaq*, где *-aq* аффиксальная морфема тюркского происхождения (с. 183). (Слово заимствовано древними булгарами: венг. *homok* ‘id.’ – Б.Х.)

Аргумент числительных и терминов родства. Важную роль в выделении заимствованных слов играет степень устойчивости в лексике. Количественные числительные первого десятка не заимствуются, немало терминов родства относятся к бесспорным заимствованиям (с. 32, 35):

ст.тюрк. *iki* – лит.монг. *qoyar* ‘два’: лит.монг. *ikire* ‘близнецы’ < тюрк.;

ст.тюрк. *üç* - лит.монг. *urban* 'три': узб. *yanan* 'лошадь на третьем году', *yanajin* 'телка на третьем году' < монг. (исключение: ст.тюрк. *tört* - лит.монг. *dörben* «четыре»);

ст.тюрк. *apa* - лит.монг. *egeči* 'старшая сестра': ст.узб. *egäči* 'id.' < монг.;

ст.тюрк. *ata* - лит.монг. *ečiġe* 'отец': мнгр. *áda* 'id.' < тюрк.;

ст.тюрк. *yeñgä* - лит.монг. *bergen* 'жена старшего брата, сноха': якут. *bergen* 'id.' < монг.

Аргумент фонемной системы. Тюркско-монгольская языковая общность – продукт длительного взаимодействия и интенсивных взаимовлияний. Преобладающее число признаков, черт, структурных особенностей слов и форм, являющихся общими, – тюркского происхождения, это сказывается на подходе к их анализу: грамматические и структурные расхождения словоформ должны рассматриваться не как отход от первоначального единого состояния, а как следствие адаптационных изменений тюркских заимствований в монгольских языках. Таким образом, автор выделяет следующие изменения:

Ротацизм. Ученый называет это следствием озвончения *s(z)* в специфических условиях максимального озвончения. Тюркско-монголо-тунгусские лексические параллели, иллюстрирующие ротацизм, не отражают общеалтайского состояния и являются следствием заимствования. При этом источником был древнетюркский чувашского типа, промежуточным – монгольские языки (где монгольские слова тюркского происхождения, тунгусские – монгольского). Аргументом, подтверждающим вторичность *r*, автор считает позиционную особенность соответствия *s(z) ~ r*, наблюдающуюся в конце односложных слов с этимологическими долгими гласными, в конце многосложных слов и в интервокальном положении. Так, в интервокальном положении наблюдается озвончение глухих шумных, сонантизация звонких, вплоть до их растворения в артикуляции примыкающих к ним гласных. Из концепции Рамстедта–Поппе (Ramstedt 1922–1923; Poppe 1926), допускающей первич-

ность *r*, невозможно возвести *z* к *r* в тюрк. *buzav* 'телёнок' (чув. *pāru*), так как указанные позиционные условия препятствуют исчезновению сонантности. Это подтверждается типологическими данными в германских языках: изменение *z ~ r* в интервокальном положении в латинском, французском: случаи обратного перехода *r* в *z*. Автор обращает внимание на проблему монгольского ротацизма (Владимирцов 1929, с. 360). Известен ряд монгольских слов, при словообразовании имеющих альтернативу *r/s*: *sonur* 'слух' < *sonus*- 'слышать'; *bayar* 'радость' < *bayas*- 'радоваться'.

Не все примеры свидетельствуют в пользу соответствия *r/s*, так как обнаруживается выпадение *r* перед *s*: *qabisun* < *qabirya 'ребро'; *öbösün* 'сам' < *öbersün 'сами'; *kölesün* < *kölersün 'пот'.

Щербак считает, что гипотеза алтайского ротацизма недостаточно обоснована. Возможно, это собственно тюркский (чувашский) ротацизм и некоторые тюркские слова ротацирующего типа в монгольских, тунгусских языках (с. 43–47).

Ламбдацизм. Отдельно этот вопрос в работе автором не рассмотрен. В литературе традиционно принято считать ламбдацизм серьезным критерием заимствований из тюркских языков в монгольские. К широкоизвестным примерам относят такие слова, как: ст.тюрк. *tabišyan* > лит.монг. *taulai* 'заяц, кролик' (с. 151: в работе отмечен как единственный случай чистого ламбдацизма); ст.тюрк. *taš* > лит.монг. *čilaγun* 'камень' (с. 154: на взгляд автора, этимология очевидна, не вызывает сомнения). Другие примеры ламбдацизма дают соответствия: ст.тюрк. *š* ~ лит.монг. *lj, lč, lb*: ст.тюрк. *ešäk* > лит.монг. *eljigen* 'осёл'; ст.тюрк. *qašiq* > лит.монг. *qalbiça* 'ложка' (с. 151). (К этой же группе можно отнести слово, заимствованное древними булгарами: венг. *gyümölcs* < ст.тюрк. *yemiš* 'фрукты'. В свою очередь, слово пришло и в монгольский язык, не подвергаясь ламбдацизму: лит.мо. *jemiš* 'id.' – Б.Х.)

Начальный спирант h-. В литературе это явление называют законом Рамстедта–

Пельйо (Щербак 1959). Ученый отвергает данную гипотезу. Большинство монгольских слов с начальным *h-* не имеет параллелей в тюркских языках. Реконструкция Дёрфером (Doerfer 1985) пратюркского анлаутного **p-* (> халадж. *h-*) опирается на материалы тунгусских языков, для которых характерен *p-* (~ *f-* ~ *h-* ~ *0*), на что Щербак пишет, что это соответствие чисто тунгусское, которое прослеживается во многих словах, не имеющих параллелей в тюркских языках. Например: нан. *pēye* ~ *fey* ~ *xēye*, эвенк. *heye* 'лоб'; нан. *pā*, солон. *axi*, ма. *faxun*, эвенк. *hakin* 'печень'. Особенности начала слова в южной группе тунгусских языков *p* ~ *f* проявились при заимствовании, что не может служить для реконструкции пратюркского **p-*: ст.тюрк. *erñäk* 'палец'; ср.монг. *herekey*; нан. *perxe*, ма. *ferxe* 'большой палец'. Аргументируя свой вывод, ученый ссылается на примеры, характерные для тюркских языков, когда звук *h-* в словах *hapteka* 'аптека', *hap-tamabil* 'автомобиль', *harawa* 'арба', *hālwātädä* 'конечно', *hates* 'огонь', *häsäl* 'мед' отражает особенности произношения заимствованных слов. Как на опору для реконструкции пратюркского анлаутного **p-* Дёрфер указывает на наличие *h-* во многих словах халаджского языка (например: *häv* 'дом', *hotuz* '30', *hā'y* 'луна'), в других тюркских языках в соответствующих словах *h-* отсутствует. На что Щербак отвечает, что *h-* в других тюркских языках есть, но в меньшем количестве: халадж. *amrūt*, гаг. *harmut* 'груша'; халадж. *älomla*, гаг. *halma* 'яблоко'.

Решение рассматриваемой сложной проблемы возможно лишь на основе тщательного и глубокого изучения всех тюркских материалов (с. 48–54).

Дополнительные гласные в середине и конце слова. Автор наводит на мысль о существовании в монгольском праязыке закона открытого слога. Однако материалы среднего монгольского языка не создают ясного представления о причинах непоследовательности в присоединении дополнительных гласных, так как они отражают то состояние, для которого закон открытого слога был уже

пройденным этапом, тем не менее и в среднемонгольском языке проявляется тенденция устранения закрытых слогов: ст.тюрк., ср.тюрк. *ayaq* → ср.монг. *ayaqa* 'чаша, чашка, кружка'; ст.тюрк., ср.тюрк. *bögür* → ср.монг. *bö'ere* 'почки'; ст.тюрк., ср.тюрк. *yoluq* → ср.монг. *joluqa-* 'встречаться'; ст.тюрк., ср.тюрк. *qudruq* → ср.монг. *qudurqa* 'подхвостный ремень'; ст.тюрк., ср.тюрк. *tür* → ср.монг. *düri* 'вид' (с. 239–240).

Изменение звуков t, d перед i в č, j. ст.тюрк., ср.тюрк. *adȳr* ~ *auȳr* → ср.монг. *aȳrqa* 'жеребец'; ст.тюрк., ср.тюрк. *biti-* → ср.монг. *biči-* 'писать'; ст.тюрк., ср.тюрк. *edi* → ср.монг. *ejen* 'хозяин' (с. 241).

Начальные звуки m-/n-. На взгляд автора, не могут быть тюркскими: тув. *таҕа-* 'хвалить' ← лит.монг. *таҕа-*; тув. *меге* 'ложь' ← лит.монг. *меке*; тув. *ноҕа* 'зелень' ← лит.монг. *ноҕоҕан* (с. 25).

Соответствия тюрк. y- ~ монг. y-, j-, d-, n-, 0. ст.тюрк. *yašin* → ср.монг. *yašin* 'молния'; ст.тюрк. *yürek* → лит.монг. *jüreken* 'сердце'; ст.тюрк. *yaȳ* → лит.монг. *dayin* 'враг, война'; ст.тюрк. *yaš* → лит.монг. *nasun* 'год жизни, возраст'; ст.тюрк. *yig* → лит.монг. *ig* 'веретено' (с. 176–177).

Аргумент морфологических элементов. Заимствование тюркскими морфологических элементов монголами осуществлялось с неодинаковой степенью их освоения и внедрения. Выделяются аффиксы немонгольского происхождения в заимствованных словах из тюркского (с. 219–224):

ст.тюрк. *-(I)m*, *-(I)G*: лит.монг. *kesim* 'кусочек' < ст.тюрк. *kesim* 'кусочек'; *kes-* 'резать'; лит.монг. *bilim* 'знание' < ст.тюрк. *bilim* 'знание'; *bil-* 'знать' (Владимирцов 1911, с. 178–180). Давая список монгольских слов с данными суффиксами, автор указывает на отсутствие фактов, подтверждающих возможность присоединения аффикса *-(I)m* к собственно монгольским глагольным основам (с. 26). Однако с данными суффиксами известны другие слова монгольского происхождения. Например: *kögim* 'музыка' < *kögji-* 'веселиться, забавляться'; *orčim* 'окрестность; поблизости, около, вокруг' < *orči-*

‘вращаться, кружиться, вертеться’; *tüsig* ‘опора’ < *tüsi-* ‘опираться на что-либо; положиться на кого-либо, надеяться’; *qoriγ* ‘запрет, запрещение’ < *qori-* ‘запрещать, воспрещать’; *γuniγ* ‘грусть, печаль, тоска’ < *γuni-* ‘грустить, печалиться, тосковать, унывать’;

ст.тюрк., ст.узб. *-slz* ~ ср.монг. *-ser* (Abesiv): суффикс встречается в ‘Сокровенном сказании монголов’ с отрицательным значением (напр. *öläsümser* ‘не проголодавшийся’), что необычно для монгольских языков. Ссылаясь на Ж. Дени и В. Котвича, автор предполагает, что следует выделить аффикс *-msAr*, где *-m* показатель тюркского инфинитива, *-sAr* аффикс именной привативности, заимствованный из тюркских языков (с. 213–215);

ст.тюрк., ср.тюрк. *-čaq* ~ ср.монг., лит.монг. *-čaG*: в монгольских языках, в отличие от тюркских суффикс выступает как продуктивное средство образования форм уменьшительности: лит.монг. *qayırčay* ‘яшик, коробка, шкатулка’ (ст.тюрк. < *qap-* ‘закрывать’) (с. 219).

Свидетельство дополнительных элементов в рамках структурно-фонетической адаптации. Первоначальная принадлежность многих слов учитывается на основании не только степени их распространения в монгольских языках, но и результатов структурно-фонетического анализа. Так, процесс устранения необычного для монгольских языков конца слова нередко происходил в виде совмещения соответствующих слов с определенным морфологическим типом, например: ст.тюрк., ср.тюрк. *botu* ~ *botuq* → ср.монг. *botaγan* ‘верблюжонок’; ст.тюрк., ср.тюрк. *biñ* ~ *biñ* ~ *miñ* → ср.монг. *miñan* ~ *miñγan* ‘1000’. Совмещение фонетической адаптации слов с выбором определенного морфологического типа осуществлялось не как следствие изменений конца слова: выбор морфологического типа независим от потребности в фонетических преобразованиях, например: ст.тюрк. *bay* → лит.монг. *bayan* ‘богатый, богач’; ст.тюрк. *elči* → лит.монг. *elčin* ‘посол’; ст.тюрк. *qozu* → лит.монг. *qu-*

raγan ‘ягненок’; ст.тюрк. *tebä* → лит.монг. *temegen* ‘верблюд’ (с. 171–173).

Таким образом, тюркские слова в среднEMONГОЛЬСКОМ языке выступают как в первоначальной форме, так и в производных образованиях, появившихся на монгольской почве.

Конечно, в работе дан неполный список заимствований, что и не служило целью, как подчеркивает в заключении сам автор, однако автор вполне полно смог скомпоновать и проанализировать на базе известных источников и научной литературы ранние тюркско-монгольские связи. В результате анализа намечены пути изучения тюркизмов в монгольских языках и монголизмов в тюркских.

Литература

- Владимирцов (1911): Владимирцов, Б. Я.: Турецкие элементы в монгольском языке. *ЗВО ИРАО* 20, 2–3. Санкт-Петербург, 169–177.
- Владимирцов (1929): Владимирцов, Б. Я.: *Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия*. Ленинград.
- Рона-Таш (1974): Рона-Таш, А.: Общее наследие или заимствования? *Вопросы языкознания* 2, 31–45.
- Щербак (1959): Щербак, А. М.: Об алтайской гипотезе в языкознании. *Вопросы языкознания* 6, 57–60.
- Щербак (1960): Щербак, А. М.: О методике исследования языковых параллелей (в связи с алтайской гипотезой). *XXI Международный конгресс востоковедов*. Москва.
- Щербак (1963) Щербак, А. М.: Работы Д. Клоусона по алтаистике (рецензия) *Народы Азии и Африки*, 150–153.
- Щербак (1966): Щербак, А. М.: О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. *Вопросы языкознания* 3, 21–35.

- Clauson (1959): Clauson, G.: The Earliest Turkish Loanwords in Mongolian. *CAJ* IV, 3, 174–187.
- Doerfer (1985): Doerfer, G.: *Mongolo-Tungusica*. Tungusica 3. Wiesbaden, S. 148.
- Doerfer TMEN: Doerfer, G.: *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. 1–4. Wiesbaden, 1963–1975.
- Poppe (1926): Poppe, N.: Altaisch und Urtürkisch. *UJb* VI. 109.
- Poppe (1962): Poppe, N.: Die mongolischen Lehnwörter im Komanischen. *Nemeth Armağani*, pp. 331–340.
- Ramstedt (1922–1923): Ramstedt, G. J.: Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen. *JSFOu* XXXVIII, pp. 26–33.
- Clark (1977): Clark, L.: Mongol Elements in Old Turkic? Indiana University. *Asian Studies* 35, pp. 110–168.
- Clark (1980): Clark, L.: Turkic Loanwords in Mongol. I. *CAJ* 24, pp. 36–59.

Баярма Хабтагаева

LEISER, KLAUS – NEUMANN, CHRISTOPH K. (Hrsg.): *Das Osmanische Reich in seinen Archivalien und Chroniken*. Nejat Göyünç zu Ehren. Türkische Welten I. Istanbul 1997. (Beier Texte und Studien. Herausgegeben von der Direktorin des Orient-Instituts der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft Prof. Dr. Angelika Neuwirth. Band 65.) In Kommission bei Franz Steiner Verlag, Stuttgart, 327 Seiten.

In diesem ansehnlichen Band wurde der emeritierte Professor türkischer und deutscher Universitäten, die hervorragende Persönlichkeit der orientalischen Osmanistik, Nejat Göyünç, der im Jahre 1995 seinen 70. Geburtstag beging und Ehrenmitglied der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft gewählt wurde, von einer Anzahl deutschsprachiger und türkischer Osmanen geehrt. Die Festschrift umfaßt fünfzehn Aufsätze, die zeitlich und thematisch ein breites Spektrum der Geschichte des Osmanischen Reichs abdecken und enthält die imposante Bibliothek der Werke des Jubilars (XI–XXIII). Die

Abhandlungen sind in alphabetischer Reihung der Verfasser abgedruckt, hier aber wird versucht, sie thematisch gegliedert zu besprechen.

Im ersten Schwerpunkt sind die Aufsätze mit sozialgeschichtlichem Aspekt zu erwähnen. *Suraiya Faroqhi (Vom Sklavenmädchen zur Mekkapilgerin. Lebensläufe Bursaer Frauen im späten fünfzehnten Jahrhundert*. S. 7–29) analysierte die Nachlaßregister der Stadt Bursa, deren Handels- und Handwerksangaben schon vorher ausgewertet wurden, aus dem Gesichtspunkt der Frauengeschichte. Die bearbeiteten 62 Frauennachlässe betragen vor der Auszahlung der eventuellen Schulden mindestens 10.000 *akçe*, aber eine Erbschaft von 20.000–30.000 *akçe* stellte eine Seltenheit dar. Diese Summen weisen zwar auf eine wohl situierte soziale Stellung der Frauen hin, doch das machte ungefähr ein Zehntel der Größe der männlichen Hinterlassenschaften aus. Textilien, darunter sehr wertvolle goldbestickte Seidenstoffe, Schmuck und selten auch Bargeld bildeten das Reich tum dieser Frauen. Problematisch ist der *üsküf/üsküfe* genannte Kopfputz der Frauen, der mit seinem hohen Wert, 3500–4000 *akçe* aus den Schmuckgegenständen hervortritt. Suraiya Faroqhi hielt es mit Recht für einen der Janitscharenmützen ähnlichen Frauenkopfputz, und erklärt den hohen Wert mit dem Goldschmuckgesteck. Im Gesetzbuch der Janitscharen [Qavānīn-i yeniçeriyān. Ungarische Akademie der Wissenschaften, Sammlung der orientalischen Handschriften, T. O. 252. Herausgegeben in ungarischer Sprache von Pál Fodor, *A janicárokok törvényei*. Budapest, 1989] sind wichtige Hinweise über die Entwicklung des Tragens von *üsküf* zu finden. Daraus geht hervor, daß es hier um eine am Kopfteil mit wertvollen Goldfäden reichbestickte Mütze geht, die in den Zeiten der ersten Sultane in den Feldzügen als Krone, bzw. als Rangzeichen der hohen Würdenträger verwendet wurde (T. O. 252, 35a), und dann als der Kopfbedeck der Janitscharen (*yayabaşı*) eine allgemeine Verbreitung fand. *Üsküf* konnte von verschiedenen Vertretern des Janitscharen Korps mit oder ohne Gesteck getragen werden (31a, 37a, 86b, 90b, R267a, R271a). Seine Eigenart als Abzeichen eines